ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТЫ“
В УЖГОРОДѢ

:-: Ч. 21. :-:

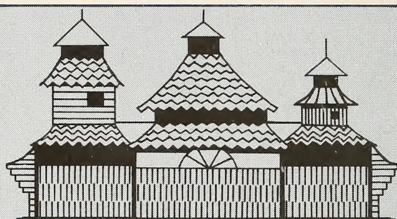
СТАРОРУСЬКѢ ОПОВѢДАНЯ.

ЛИЦАРЬ И СМЕРТЬ И ДРУГѢ ЛЕГЕНДЫ.

1922.
КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“ В УЖГОРОДѢ.

ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТЫ“ В УЖГОРОДѢ.

:-: Ч. 21. :-:

СТАРОРУСЬКѢ ОПОВѢДАНЯ.

ЛИЦАРЬ И СМЕРТЬ
И ДРУГѢ ЛЕГЕНДЫ.

УЖГОРОД, 1922.
КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“.

Серед нашоѣ старшоѣ руськоѣ письменности находиме цимало оповѣдань, котрѣ мають свôй початок в дуже далекôй давнинѣ, еще у XI. и XII. вѣцѣ, коли то у нас почала розвиватися литература.

Наши карпатскѣ горы много укрыли такоѣ письменности, яка на киѣвськôй Руси уже давно щезла. До таких памяток належать и оповѣданя, котрѣ подаемо в нашôй книжочцѣ. Сѣ оповиданя ширилися у нас головно в XVII и XVIII вѣцѣ, их брали часто до проповѣдей наши давнѣ священники, бо они мѣстять в собѣ богато поучного.

Народ их любив слухати и читати, тому их радо переписовали в окремѣ книжочки або зборники. Наши оповѣданя — котрѣ инакше назвати можно легендами — взятѣ из одноѣ такоѣ староѣ книжочки.

Они як видно мають дуже богато зерна правды и возбуджують наши душѣ на лѣпшѣ дѣла. Язык тых оповѣдань народнiй, як бы нынѣшнiй, а стиль нагадуе евангельскѣ притчы. Мы оставили все так як в старых книжках было, змѣнюючи лиш рѣдко дакотри слова, для лѣпшого порозумѣня.

Легенды сѣ перепечатав еще в 1897. роцѣ Володимир Гнатюк в Записках наукового товариства им. Шевченка у Львовѣ т. XVI. из старого зборника подкарпатско-руського походженя. Кто бы хотѣв видѣти их у первѣстнôм видѣ, най там загляне.

А тотѣ, котрѣ не вѣрять, як красно писали нашим народним языком еще в XVII. и XVIII. вѣках наши прадѣды най придивлятыя тым оповѣданям близше, а може дечому доброму научаться.

П.

1.

Казка о однôм славнôм лицарѣ, котрый надѣявся на свою силу и пробував щастя воювати из кождым, а на останок из смертію.

В земли грецкôй быв один славный лицарь, на имя Севиян, котрый быв дуже моцный и препышный, а в лицарствѣ потужный. И одного разу справивши бенкет дуже пристойный и гойный з розкошами дуже великими, запросив приятелей, сенаторôв и панôв великоможных.

Сѣвши за стôл при обѣдѣ, сказав тіѣ слова:

Мои милѣ приятелѣ и сенаторы! Ци есть моцнѣйшій хто и сильнѣйшій, бôльше лицарскій на сѣм свѣтѣ, як я?

На то сказав молодый сенатор: — Не єсть, вельможный пане, такого на сѣм свѣтѣ потужного, моцного и лицарского, як ваша вельможность.

Тогды встав один старець и сказав: — Вельможный, милостивый пане и лицарю славный! Єсть смерть моцнѣйша и славнѣйша от всего свѣта, бо она забирае королѣв, царѣв, славных лицарѣв и войнôв хоробрых.

Он зараз его высварив и сказав собѣ коня сѣдлати. И узявши з собою одного хлопця и всю лицарску зброю, поѣхав в поле. И мовить тіѣ слова: — Пôйду я шукати тоѣ смерти, ачей бы она и зо мною ся побила.

И ту божим повелѣніем явила ся ему смерть видимо на полѣ страшна, як нѣхто: сама з костей, голѣната, сабага, головата, кострубата, вытрѣскована, зубата. А носить из собою все свое орудіе: кривую, острую косу, довгій меч, пилу, серп, рыскаль и мѣтлу.

Видѣвши то лицарь, скочив до неѣ конем; а кôнь изборявся, изфукав и не смѣв ид ней пôйти. Видѣвши то лицарь, сказав до неѣ: — Хто ты е и що за чудо такое показалося менѣ на тôм дикôм полю пустôм?

Смерть єму каже: - Я єсьм смерть, котроѣ ты кличеш и шукаєш. Если тобѣ мене потрѣбно, я прийшла до тебе и хочу тя узяти пышного пана.

На тото одповѣв ѣй лицарь — Та ци то ты, красная смерте? Тась ми краса того свѣта!

Каже єму смерть: — Ты мене видиш некрасную, але я красных из того свѣта побираю: святителѣв, королѣв, царѣв, княжат, гетманôв, лицарѣв, потужных воинôв, витязѣв сильных, патріярхôв, митрополитôв, владык, архимандритôв, игуменôв, черцѣв, пустинникôв, попôв, казнодѣєв, философôв, красномовцѣв, риторôв; сильных, моцных, богатых, убогих; сироты и удовицѣ; слѣпых, хромых, старых, молодых и малых дѣтей. Всѣх я тых зарôвно беру.

Почувши то лицарь, сказав до неѣ сердито: — Слухай ты смерте не хоснавая! Єсли ты тых побираєш и тебе ся боять, а мене ты не возьмеш и тебе ся не бою такоѣ поганоѣ, плюгавоѣ, огидноѣ. Єсть у мене на тебе булатный меч, огнистая стрѣла и срѣльба (пушка), дробнѣ стрѣлы и остре копіє.

Смерть єму каже: — Слухай ты чоловѣче! Ты ся хвалиш своєю зброєю, а у мене єсть на тебе моя зброя: крывая коса, острый меч, зубата пила, кривый серп, рыскаль, мотыка и мѣтла. Косою подôтну тобѣ ноги, пилою ти перетру кости, серпом перерѣжу ти горло, мечем ти ôдсѣкну руки рыскалем ты одотну голову, мѣтлою ти замету кров.

Каже ѣй лицар: — О смерте нехоснава, головата, кострубата, зубата, вытрѣсковата, суха, блѣда, сабата, голѣната, страшноє чудо! Та ци годна ты зо мною битися своим непристойным орудієм? Коси ты своєю косою по пустôм полю траву; три ты своєю пилою гнилоє колодя; жни ты своим серпом жаливу (кропиву); сѣчи ты своим мечем хащу; копай ты своим рыскалем глину; замѣтай ты своєю мѣтлою на дорозѣ порохи. У мене єсть на тебе меч мôй острый, огниста стрѣльба. Не таких я сильных и хоробрых лицарôв и сильных витязей на войнѣ звитяжав и витязій воєнных и герцѣвникôв своєю зброєю, копієм и силою побивав. Та бым теперь тебе чуда не мôг побити? Уже ты бôльше не будеш людей побивати и побирати. Уже тут твои тотѣ сабатѣ голенѣ по тôм полю будуться валяти и той твôй костяный тулоб буде пожар палити.

Каже єму смерть: — Небоже лицарю! що ты ся хвалиш, иж ты на войнѣ много побивав? И кôлько у войнѣ голов гине, то без мене и там не єсть.

Почувати то лицарь каже: — О смерти злая! То знати, що лжеш и неправду мовиш. Я многих побивав, а тебе там такого чуда нѣколи не видѣв и нихто ми не повѣдав нѣчого и не помагав ми. Стань ты теперь до бою зо мною, а я готов.

Каже єму смерть: О чоловѣче глупый! Не поможе ти лицарская зброя и довге копіє. Не таких я у свои руки побрала, як ты теперь. Послухай, чоловѣче, що ти буду повѣдати, почавши от Адама. . .

Рече ѣй лицарь: — Повѣдай, що маєш повѣдати.

Тут єму смерть каже: Слухай пане! Адама и Єву, пра отцѣв ваших до потопа, людей перших, я узяла; по потопѣ знову Ноя славного и сынôв єго я узяла; Авраама, Изаака, Якова я побрала; быв один Самсон сильный на всѣм тôм свѣтѣ, пôд тым сонцем сильнѣйшого не было, бо ôн сам так повѣдав: кобы ми, каже, такій майстер, абы ми кôльце у землю управив, абы ся не вырвало, то бым цѣлым свѣтом так повернув, як жорнами. И того узяла. Царь Давид псалтыр выложив через духа святого, — я и того узяла; Царь Соломон быв премудрый, котрый сорок лѣт и шѣсть святая святых церков будовав и три роки дияволами робив, — я и того узяла; Навходоносор, царь вавилоньскій, быв грозный на увесь свѣт; — то я и того узяла; Троян царь, Юліян царь, Максимиліян король, Датіян король, славнѣ были, — я и тых узяла с того свѣта. Нуж якій быв царь Дарій перскій, царь Пор индийскій, которѣ ся богами земными писали, — то я и тых побрала; нуж єще якій быв царь Александер македонскій, царь над царѣ и всему свѣту господарь быв: — я и того узяла; єще, чоловѣче, быв ачей такій витязь хоробрый Бова король: — я и того узяла; єще ачей быв теж такій витязь, як ты, Бронствик король, котрый быв Салвом зайшов пôд зеленую сторону, — я и того узяла; и многих королѣв, царѣв, гетманôв, потужных, иных людей, рôжных вѣр и языкôв и єретикôв, поганых мучителѣв, гонителѣв строгих. А що теперь гадаєш из своим немоцным лицарством? Уже є сонце над западом, день ся вже твôй коротає, вже тобѣ дома не быти, але ту на тôм поли зостати. Тѣло твоє и кров твою будуть потята и

звѣрята ѣсти и кров пити, тôлько твои кости до дому принесуть. А ты, хлопя, не бойся, Бог з тобою!

Почувши то чоловѣк, злякся. Одеревѣли єму руки и ноги, єго всѣ составы розслабли. Став тихим а покôрным словом говорити, кажучи: — О смерте славная и сильная! то силу великую маєш. Твоя бесѣда всю силу мою загубила; але прошу тя покорно, попусти ми мало, нехай на тôм пустôм полю не помру без покаянія и нехай дойду до дому и покаюся грѣхôв моих и розпоряджу двôр свôй и челядь, бо єм не справив Богу нѣчого рядного на сѣм свѣтѣ живучи.

Каже єму смерть: — О злый чоловѣче! Ци не было ти лѣт, мѣсяцѣв, днѣв, годин и часу, коли ты розкошовав в гордости своѣй и в бучности пив, ѣв, гайновав, а на Бога небесного и на смерть єси ты не памятав, из своєго скарбу Господу Богу нѣчого не справив. Быв тобѣ час на покаянія, але вы єсте чоловѣки лукавѣ, несправедливѣ; коли вам якась бѣда ся стане, або хороба, або якій припадок, то вы Бога святого просите, абы вам погодив и помѣг, а потôм Бога забудете и на смерть не памятаєте, иж жиєте з Богом.

Каже лицарь: — О смерти, госпоже, панѣ моя! Маю скарбу досить, золота и срѣбла, камѣня дорогоцѣнного, перлы кришталовѣ, жемчуги и инших достаткôв много. Прошу тя, панѣ моя, ходи зо мною до моєго дому и набери собѣ скарбу досить, кôлько хочеш. А менѣ єще потерпи, заким ся покаю грѣхôв своих.

Каже єму смерть: — Глупый чоловѣче! Кобы я скарбы брала, тобы и земля не могла их вымѣстити. Порожная твоя бесѣда.

Каже пан до смерти: — Панѣ моя, єще ти повѣм слово, прошу тя до своєго дому на гостину любую и утѣшную; нехай ся з тобою навеселю и нехай в дома умру, абы мя присмотрѣли мои любѣ приятелѣ и слуги, абы мя туй звѣрове и потята не зѣли.

Каже єму смерть: — Все то твоя порожная бесѣда! Не потребую я нѣколи жаднѣ гостины и бенкетôв; там менѣ гостина, де є плач, слезы и крик по мертвôм, то моя робота и потѣха.

Каже лицарь: — О смерти, панѣ моя! Єще ти повѣм одну рѣч; у тебе нѣт мужа, а у мене нѣт жоны; поберѣмося!

Ты є сильная, а я також лицарь, моцный и будемо панувати на сѣм свѣтѣ без клопоту.

Тут ся смерть розсмѣяла и каже: — Дурный и безумный чоловѣче! що се ты говориш? Кобы я потребовала собѣ мужа, то бы я не такого смердуха прияла; або цѣсаря, або короля, або царя, але нѣколи не потребую собѣ мужа на вѣки. Уже ся, чоловѣче, не вымантиш од мене; сонце уже тобѣ потемнѣло, день твôй кôнчить ся.

Тут лицарь зомлѣвши, упав из коня на землю. Став из плачем говорити: — О смерте злая, о смерте глухая, о смерте слѣпая, о смерте немилостивая, о смерте нежалосливая, жовнѣру неупрощеный! То ся не могу у тебе выпросити и умолити, але вижу, що ся мушу ту пôд твою острую косу нахилити. О смерте, смерте! Тось мя такого славного без вѣсти несподѣвано застала и зо всего мя обидрала.

А потôм уста ся єму замкли и бôльше уже нѣчо не говорив, и жили єго подеревнѣли. А смерть приступивши, утяла єму голову косою и невидима стала. Видѣвши то хлопець, побѣг до палаты єго и розказав злую погибѣль пана своего. Плакав и повѣдав все по ряду, що ся стало из паном.

Почувши то слуги и приятелѣ єго, здумнѣли ся и скочили по тѣло єго. А коли там прийшли, то тôлько хробори єго лежали, а тѣло єго звѣрѣ обнесли и потята. И принесли хробори лицаровѣ и погребли без тѣла. И быв там страх на всѣх, а хлопець то усе розповѣдав по доводу, що ся стало и що ся чинило.

И так ся скôнчив оный пишный и злый лицарь. Пан злый зле погинув и слава єго со шумом погибла.

2.

Повѣсть о однôм короли, котрый ходив со злодѣем в ночи красти.

Быв один король дуже добрый, быв до людей. Тому королеви повѣв один мудерець: — „Королю найяснѣйшій! Сеѣ ночи, если ты не пôйдеш красти, то до рана злою смертію погинеш.“

Почувши то король счудовався тому, а потôм уснув по обѣдѣ. И приснився єму сон: — „Королю найяснѣйшій! Єсли ты хочеш свое здоровля заховати, иди ты сеѣ ночи красти; а если не пôйдеш, то злою смертію погинеш.“ Король пробудився, здумѣвся вельми. И мислить сам собѣ: — „Боже милый! що бы то мало быти? Єсли то так, волю я пôйти красти, нѣж злою смертію погинути. И не повѣдав то кѣкому, а коли было у твердіѣ первосны, зняли короля гадки, не може спати. Потôм, коли поснули вшитки, уставши король, убравшися по хлопски, тôльки королѣвскую дорогую шапку узяв на себе и выйшов из города потаємным выходом. И пôшов на мѣсто и став ходити по межи крамницѣ, де бы мав що украсти. И ту знайшов чоловѣка. Чоловѣк также увидѣвши чоловѣка, збоявся. А то быв також злодѣй. Потôм король потиху сказав: — „Хто ты є? Що ты за чоловѣк?“ А злодѣй сказав: — „А ты хто є?“ Король сказав: — „Я злодѣй“.

Почувши то злодѣй, рад быв вельми, прийшов близше и каже: — „И я єсм злодѣй. Прошу тя, брате, будьме собѣ товаришѣ. А король сказав: — „Добре, брате, я товаришови дуже рад.“ И дали собѣ руки и присягли один другого не зрадити, але вѣрно жити. И ходили оба помежи крамницѣ, хотячи якую выбрати. Але были твердо позамыканѣ, не могли ничого достати. Рек злодѣй: — „Що маєме чинити, товаришу. Не здобудемеся ту нѣчого. Где ся повернеме?“ А король сказав: — „Не знаєш ты, що? Ходѣм мы до королѣвского замку. Я знаю,

куда войти в замок и знаю один склеп королѣвскій и мы там ся здобудеме добре". Почувши то злодѣй, вывалить короля по челюсти моцно и каже: — „О злый чоловѣче! що се ты говориш? Абы ты не дочекав живым свѣта! То я его милости королеви, панови своєму, ворогом мав быти, а ôн есть нам добрый, яко отець! Не дай ми то, Боже!" А король мовчить. Потôм злодѣй рече: — „Слухай ты мене, товаришу милый! Я тебе поведу, єсли ты хочеш. Ходѣм мы до дому королѣвского маршалка. Злый, людей дере и короля не боиться. Там я знаю скарб и там ся здобудеме". И там пôйшли до дому маршалка и увидѣли, що ся свѣтить у покою его. Они прийшли тихо, а было окно высоко. Сказав ему злодѣй: — „Милый товаришу! Стань пôд стѣну, нехай я стану на твои плечи и выслухаю, що ту за бесѣда". И так став злодѣй на плечи королеви и стане слухати. А маршалок говорить своєй жонѣ тыѣ слова: — Зготовати лютую отраву королеви со змѣєвым ядом; запрошу короля зарань до себе на гостину и насыплю єму у погар тоту трутизну. Он выпивши, умре, а мы будеме над его скарбом паном и его добро поживати.

Выслухавши то злодѣй, злѣз с плечей королевых; став єго король пытати: — „Що єси, милый товаришу, выслухав?" А ôн сказав: — „Злая новина, товаришу! А то заранѣ маршалок хоче короля запросити на гостину и отровити єго Так ся намовили из жоною своею. А я не знаю, як бы то королеви сказати, абы ся стерѣг". Почувши то король, одотхнув тяжко и сказав: — „Злая вѣсть, товаришу, на короля нашого; треба бы то єму сприяти. Знаю, що мав бы од него велику ласку той чоловѣк. Каже злодѣй: — „Дайме спокой, брате, теперь и розстаймеся. Дайме собѣ знак, якже ся маєме назарань спôзнати.

А король сказав єму: — „Прийди ты, брате, до костела, хиба ся там спознаєме". Рече злодѣй: — „Єсли то так, товаришу милый, дайме собѣ знак. Возьми ты на себе мою шапку, а ты менѣ дай свою; и коли будеме завтра в костелѣ, не знимайме собѣ из головы шапки, то так ся спознаєме. А в тôм ся розойшли. Злодѣй пôшов до дому, а король собѣ пошôв до палаты и лѣг спати и мыслив собѣ: — „Милый Боже, що то ся хоче надо мною стати од моего

слуги? Подôбно ми Бог того злодѣя нагодив, хоч мя и по челюсти выпалив; лѣпшій ми той приятель, мѣж мôй слуга. Коли бы мы его завтра пôзнати, нагородив бим ему добре за его приязнь.

А коли зазорѣло, зазвонено до костела, стали ся люди и панство збирати, бо была недѣля Потôм король убравши ся, пôшов из панством до костела. Шати на нѣм королѣвскіѣ, дорогіѣ, а шапка цундрава, дуже стара. И чудовалося вельми все панство тому, що то ся чинить И сам маршалок дивуеться, котрый то хоче короля отровити.

Прийшовши король до костела, сѣв в крѣслѣ высоко и смотрить по всѣх людях товариша свого. Потôм якогось часу не борзо увôйшов и злодѣй до костела. Став пильно смотрѣти на кôм бы мôг свою шапку пôзнати. Потôм посмотрѣв на маестат королѣвскій и увидѣв шапку свою на короли. И убоявся и мыслив собѣ: — То конечно хтось пôдслухав нас в ночи из товаришом моим, що мы бесѣдовали, и удав то королеви; або мôй товариш сам мене удав. Потôм король увидѣвши товариша своего и пôзнав его по своѣй шапцѣ и рад быв вельми товаришеви. И пôслав слуг своих, абы его вартовали пильно. А коли было по службѣ, казав король просити того чоловѣка за собою до палати своеѣ на обѣд. Хлоп ся збояв и мыслив собѣ: — теперь мы гôркій обѣд. А коли король вôйшов у палату, казав увести до себе и злодѣя. И были там сами в двох. Сказав ему король: — „Не бôй ся, товаришу милый! Я днесь королем, а в ночи быв ем злодѣй. Я есм твôй товариш, котрого ты по лици ударив. Але я ти тото пращаю. Не бôй ся, не гадай ничого злого. Ты есть мôй вѣрный приятель. Одно тя прошу: если то есть правда, що мя мôй маршалок хоче днесь отровити, будеш од мене великую ласку мати“.

Тут ся ему злодѣй у ноги поклонив и рек: — „О найяснѣйшій королю,пане мôй. Отпущай твоя милость мою злôсть, бо я розумѣв, що тото простый хлоп зо мною ходить; а то, пане мôй, есть правда, що то твоѣй милости зготовлено отрою. Але ся не бôй, я тебе порядж, як маеш из тым чинити“. — „Потôм король казав ему дати шаты дорогіѣ и посадив его попри себе в мѣсто гостя и казав ему дати пити. Тут ему рече товариш: — „Королю милый! така есть на тя порада маршалкова и з жоною

єго, що коли тя зазове до себе на гостину, дасть тобѣ чашу золотую першую. А буде пильно тя просити из своєю панею, абыс ты за их здоровля тую чашу выпив. Але ты королю милый, не слухай их лукавства, хочбы тебе як лестили, але ты єго самого пригрози своєго злого ворога, що тобѣ изготовив, нехай то поживе.“ А коли король сидѣв при столѣ, прийшов маршалок и став короля просити до своєго дому на гостину. Вставши король, пôшов и узяв товариша своєго мѣсто гостя. И коли там сѣв король, станув тогды перед королем маршалок со женою своєю, почали єго вѣншовати розмаитыми словами лестными, яко вороги лукавіѣ. А товариш єму сказав по тихо: — „Королю милый! Єсли хочеш здоровля своє заховати, не слухай их лукавства.“ Потôм маршалок узявиш золотый погар у руки, поставив перед королем з лютою трутизною, смертельным ядом змѣевым. И поклонивши ся, став єго дуже умильно и розмаито просити, абы то за их здоровля и за их любов тую чашу выпив. А король узявши тоту чашу, поставив єѣ перед маршалка и став говорити, кажучи: — „Мôй наймильшій слуго! Дякую ти за такую вашу любов и приязнь противко мнѣ. Але то иначе и не може быти, одно ты мусиш до мене пана своєго перше поклонити за доброє здоровля, а я потôм поклоню до твоєѣ панѣ. Маршалок одповѣв: — „Королю милый! Не належиться менѣ перше од короля з королѣвского погара пити, бо то вашôй милости насыпано во имя королѣвскоє.“ А король єму сказав: — „Уже ты на тоє нич не гадай; коли я тобѣ позволяю, мусиш то учинити, а єслибысь не хотѣв, то мôй меч, а твоє имя.“ Тут ся король на него опалив и розказав слугам своим застати єго од дверий, абы не утѣк, а сам каже: — „Уже ты мусиш пити, єсли ты ми вѣрный слуга, або горло твоє утратиш.“ Тут ся маршалок убояв и мыслив сам собѣ: — „Однако уже менѣ живому не быти, хоч пити, хоч не пити“. Узявши погар в руки з трутиною, став пити не по воли и каже: — „Уживай то сама душе, що єси была пану злотовила“. То сказавши, выпив тоту злую, лютую трутизну, а скоро выпив зараз упав и здох и став ся пукати люто. Выдѣвши то король, похвалив небесного Бога, а жену єго казав розволочити кôньми по полю. И побив ворогôв своих, а товариша своєго учинив маршалком. Посадив єго на всѣм тôм панствѣ, учинив єго першим по

собѣ и шанував єго дуже пристойно, як своє здоровля. И жив король в радости великôй у годности, у щастю, в мирѣ, в добрôм покою. Доконав живота своєго, умер смертію великою, славною, яко король и монарха великій и погребен быв с великою честію.

3

Казка о цѣсарю Йовианѣ, котрый был пôднѣс пыху проти Бога и котрого Бог покарав.

Был один цѣсарь грецкій, на имя Йовиян. Был дуже переможный и потужный и грозный и в достатку гойный и в богатствѣ. Слуги мав дуже препышнѣ и гойнѣ, перепоясанѣ золотыми поясами, пышно, гойно, збройно и у всѣм дуже пристойно. И одного разу лежачи на лôжку своѣм отой пышный и преможный цѣсарь мыслить сам собѣ кажучи: Хтож ми може противным быти? Маю досить всякого статку, можности, скарбôв, паньства, достаткôв, богатства, слуг препышных. Не є менѣ рôвнѣйшого на земли крôм Бога. И пôднесло ся серце єго у пыху велику и гордость. А потôм казав слугам и паньству своєму конѣ сѣдлати и поѣхав у поле, на ловы. А коли были у поли, повелѣв Бог моцно печи сонцю горячостію своєю. И стало сонце сильно грѣти и палити цѣсаря. Иншим слугам не было нѣчо, котрѣ при нѣм были, але цѣсареви зле было, зле ся дѣяло и з великоѣ горячости до смерти єму приходило. И видѣв король у поли воду и сказав до слуг своих: — „Станьте вы ту, а я пôйду купатися, бо ми єсть зле; а скупавшися, приѣду к вам, бо як ся не скупаю, то умру.

И поѣхав сам один и приѣхав до воды, злѣз из коня и привязав єго до кôпія, а сам розобраавшися скочив у воду, став ся купати довольно.

И що ся стало над цѣсарем пышным?

Прийшов пак ангел єго хранитель, во всѣм єму подобный, як зростом, так позором, лицем, бесѣдою, и узяв на себе одѣня царскоє и всѣвши на коня єго, приѣхав до слуг, а слуги паньство поклонили ся єму як цѣсареви и не пôзнали єго, хто єсть. И сказав ангел до панôв: „Не маєме часу на ловы; идѣм до дому“. И поѣхали из поля до дому.

Прийшовши ангел в полату, сѣв яко цѣсарь из цѣсаревою, из панами, а цѣсаря зоставили на полѣ голого.

У якійсь час накупавшися цѣсарь Йовиан, выйшов из воды, але не знайшов нѣ шат, нѣ коня; зостав чудом голый на поли. И зляк ся бѣдный и не знав, що чинити. Став ся сердити вельми на слуг, що его лишили и мыслив помстити на них велико и много. Мыслить много, де бы ся дѣти и де пôйти, бо встыд є великій. Мусѣв ночи ждати, а коли было пôздно, став мыслити, куда пôйти. И сказав сам собѣ: — „Не учиню инакше, лише пôйду до своего старого судіѣ; той ми дасть шаты и коня и я прийшовши буду слуги карати горлом". И вставши, пôшов. И прийшовши до мѣста, почав торкати у ворота, абы єму отворили. Увидѣвши его варта, стала пытати, хто єсть? А ôн им сказав: — „Я єсьм цѣсарь Йовиян. Повѣжте панови своєму, нехай ми дасть суквѣ и коня, абы пôйти в палату, а то єм стратив з пригоды".

Пôйшовши слуги повѣли то пану, кажучи: — „Пане наш, ту якійсь хлоп шаленый, голый стоить у воротах и просить твоєѣ милости за суквѣ и за коня; а каже, що є цѣсарем".

Почувши то пан, счудовався, що ся дѣє? Цѣсарь наш на столици, а я теперь недавно од цѣсаря. И повелѣв его пустити перед себе. А коли его привели перед пана, увидѣв его судія и не пôзнав. Став на него пльовати, кажучи: — „Згинь од нас чорте проклятый, душа нечиста". Явно єси ся показав, хто ты є? А ôн єму сказав: — „Що ты ся стало? Ци ты не знаєш мене, що я єсьм цѣсарь Йовиян. Дай ми коня и шатя, бо єм стратив з пригоды". Каже судія: —„Слухай ты, хлопе шаленый! Як ты смѣєш звати ся королем нашим, а наш король на столици сидить и я теперь от него. Слухай ты, хлопе, як вижу, не зайдеш ты ся, абысь не битый; не зови ты ся королем". И розсказав слугам моцно бити карбачем. А слуги, яко то дворяне, радѣ тому были, били єго, як сами хотѣли; аж до крови били єго и вытрутили за ворота. Там пышный цѣсарь лежачи, плаче от такоѣ ганьбы своєѣ. И мыслить собѣ, що має чинити и где ся має дѣти? А потом умыслив собѣ: єсть у мене єще єдиный князь, котрого єм учинив князем и у котрого я ся кохаю; єсли мя той познасіь и дасть менѣ суквѣ и коня дойти на столицю. Але тут слуг моих — скоро црийду — кажу постинати, що мя лишили у поли на бѣду; и судію того

из паньства извержу и слуги єго, котрѣ мя били, кажу их почетвертовати.

И вставши пôшов до другого мѣста, до свого коханого княжати, а сам весь кровю изплыв. Прийшовши до брамы*), почав толкати, абы отворено єму было. Сторожа, почувши, пытали єго: хто ты є и чого в ночи ходишь? Йовиан сказав: — „Пустѣть мя, я єсм Йовиан, цѣсарь, йду до княжати своєго коханого.“ Сторожа, увидѣвши єго всего кровавого, сказала: — „Ты не є чоловѣк, але ты є шатан.“ Побѣгли, повѣли то княжати, кажучи: — „Пане вельможный, якійсь чоловѣк стоить у брамах, проситься, абысме пустили єго до тебе. И каже, що є цѣсарем, але є голый и весь у крови.“ Почувши то князь, казав єго пустити и дознати, що то єсть такого. А коли єго пустили, скоро єго увели у свѣтлицю, а князь видѣвши єго зляк ся; став на него пльовати и заклинати, кажучи: — „Изгинь шатане, душа нечиста.“ А цѣсарь сказав: — „Не єсьм я дух нечистый. Я есьм цѣсарь ваш Йовиан, котрый єм тя учинив княжатем и в тобѣ ся кохаю. Дай ми коня и сукнѣ дойти до дому, палаты моєѣ, а то єм стратив все из пригоды.“ Почувши то князь, каже: — „Не дарьмо, як вижу, тебе бито, хлопе шаленый, бо ты якійсь пяниця одежу єсь из тебе пропив, а другоє в карты програв, а до мене ты прийшов одежу взяти и коня, а не знаєш, ци пôйдеш звôдси у здоровлю без коня. Що кажешь, щось мя учинив княжатем, и сам єсь голый як бубен, а я теперь пôв годины од цѣсаря, а цѣсарь, єго милость, из цѣсаревою сидить на столици. Не з гаразду тебе бито, щось ледви из душею утѣк, та й ту не буде без того, абысь не быв битый. Як ты ся смѣєш звати цѣсарем? Бо то горлом важиш!“ И розказав слугам бити єго моцно, а бивши казав єго в темницю всадити и казав єму дати хлѣба и воды. И ту один слуга змиловався над ним, дав єму плахту прикрыти наготу єго. А потôм став мыслити князь, а то єм шаленого хлопа всадив у темницю; єму ся там стане щось злого и умре, то мôй грѣх буде. Казав єго выпустити и выгнати из замку. И рад быв Йовиан, бѣдный цѣсарь в новôй плахтѣ, сѣвши, ледво що жив. То єго остро збито и плакав из такого нещастя свого. Мыслить собѣ, що має далѣ

*) брама=ворота.

чинити, а потôм сказав: пôйду просто до своего города, до своеѣ королевоѣ, чей мя познае и дѣточки мои. И вставши пôшов

И прийшовши до ворот городовых, став торкати, абы ему отворено. Почувши то сторожа, сказала: — „Хто ты е и чого в ночи ходиш?“ А ôн им сказав: — „Я есм цѣсарь ваш Йовиан Идѣть скоро до королевоѣ и скажѣть ѣй, нехай ми вышле сукнѣ, бо ем стратив из пригоды Сторожа видѣвши чоловѣка у плахтѣ, збитого, окровавленого, пошла у палату до короля и станутъ говорити, кажучи: — „Найяснѣйшій цѣсарю, наш пане! Щось за хлоп у плахтѣ, збитый, кровавый стоить у брамѣ и послав нас до цѣсаревоѣ, абы ему выслали сукнѣ; повѣдае, що е цѣсарем. Почувши, ангел, казав его привести перед себе, а коли Йовиан быв на своѣм замку, тут ся пустив на него его пес коханый.“ Скочив на него, и коли бы слуги были не оборонили, то бы его быв изѣв, бо его не пôзнав А коли вôйшов до сѣней, тут сокол его, котрого сам на своѣй руцѣ носив, так ся его напудив, що урвався и став его крыльми и ногтями драти и бити в лицо его. Увойшов ôн и сѣв на паланок. А коли Йовиан увôйшов быв у палату, увидѣв, ангел сидить дуже препышно убраный, а при нѣм сидить цѣсарева, жена его власна. Видѣвши то Йовиан, задумався и мыслить собѣ: що то ся стало? Сказав до него ангел: — „Хто ты е и чого ту ходиш у ночи?“ Йовиан сказав: — „Я есм Йовиан, цѣсарь и моя то е столиця и панѣ. Сказав ангел до цѣсаревоѣ: — „Повѣж моя наймилѣйша, котрый мы з межи нас двое пан есть?“ А она з гнѣвом сказала: — „Щось ты мене як дурня звѣдаеш? Чому з мене смѣх чиниш перед паньством? Уже то з тобою живу лѣт 18 и сынôв маеме, а ты мя и ид кому ровняеш? Не чини из мене смѣху - Бог тя скаре! И заплакавши, сказала: яко живу, не знаю того шаленого! не знаю ци чоловѣк то, ци мара яка увôйшла у палату нашу и хоче нас изюдити „Потôм ангел сказав до маршалка и до всѣх панôв, котрѣ там при нѣм были и до слуг: — „Скажѣть ми правду, кому вы присягали, ци менѣ, ци тому дурному и шаленому хлопу?“ А паны и слуги сказали: — „О найяснѣйшій цѣсарю вельможный, пане наш милостивый! Мы твоѣй милости присягали тебе по Бозѣ до смерти за цѣсаря мати и наше здоровля за тебе покласти и при тобѣ стояти. А мы того шаленого, яко

живѣ не знаєм, ци чоловѣк то єсть, ци мара. За тым каже ангел до Йовиана: — „Щож ты теперь гадаєш, шаленый хлопе? И казав покоєвым бити нещасного и до коня, котрым всегда ѣздив, на котрôм в той час быв, коли шати изгубив, казав єго за ноги привязати и по всему мѣсту волочити. И дуже єго кôнь побив и плахту на нѣм пôдрав, волочивши єго по всему мѣстѣ. И стали покоєвѣ один другому говорити, кажучи: — „Не лишайме мы шаленого хлопа на дорозѣ пôд ногами, але киньме єго у гнôй, нехай там з лихом лежить.“ И так покинувши єго, лишили у гною. И ту бѣдный Йовиан лежачи, мыслив собѣ из плачем, кажучи: — „Що маю теперь чинити и до кого ся удати?“ Но, мыслив собѣ, пôйду до пустельника, у котораго ся завше сповѣдав. И вставши пôшов у тоту пущу, де той пустельник жив

Коли прийшов пôд келію, єще той пустельник не спав, Богу ся молив. Йовиан став торкати у вѣконце. Пустинник то почувши, здумѣвся, що бы то мало быти и хто ту в ночи ходить, бо нѣколи того не бывало. Потôм и другій раз поторкало и стало говорити: — „Отче святый, отвори ми.“ А монах каже: — „Хто ты єси и чого ту в ночи ходиш?“ А цѣсарь бѣдный каже: — „Я есм Йовиан цѣсарь, сын твôй духовный; маю до тебе пильну потребу.“ Сповѣдник почувши то, побѣг скоро до оконця, а коли оконце отворив, увидѣв страшного чоловѣка у плахтѣ, кирвавого, збитого и не пôзнавши єго, скоро оконце затворив и став єго проклинати: во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь; изґинь от мене злый, нечистый, душе проклятый; ôдки прийшов искушати мене оттут? Бѣдный Йовиан єще ся бôльше зажурив, що має чинити. Потôм став из плачем говорити, кажучи: — „Отче святый! Змилуй ся надо мною; не єсм дух нечистый, але есм цѣсарь, сын твôй духовный; отрѣкаюся сатанѣ и молюся Отцу и Сыну и Святому Духу; прошу тя, отче, єсли ми не имеш вѣры, то выслухай крôзь стѣну сповѣди моєѣ, єще перших моих грѣхôв, з котрых єм ся сповѣдав тобѣ еще перед тым и теперь ми ся погрѣша стало; и выслухай, що то ся надо мною стало, як Бог святый скарав мене за мою пыху и гордôсть. Зле ми ся, отче святый, стало; змилуй ся для Христа небесного.“

Почувши то пустельник, казав єму сповѣдатися, а сам почав пильно слухати скрôзь стѣну. Йовиян почав ся сповѣ-

дати от початку всѣх грѣхôв своих и прийшло вже до того, як ся пôднѣс в пыху великую против небесного Бога а як ся купаючи в поли, стратив одѣня свого коня и зостав голым а коли прийшов до дому, то его били; як и панѣ его не пôзнала и паньство все не пôзпало и пес и сокôл не пôзнав и конем го волочили по всему мѣсту и ледви живого лишили у гною. Тогды уже бôльше не мав я що чинити, до кого ся удати, крôм тебе, отче мôй святый, до своего сповѣдника. Згадай на милостивого, небесного, веемогущого Бога, котрый грѣшных карае, а кающих ся знову приймае. Томуто и я каю ся того злого дѣла, пыхи диявольскоѣ и гордости проклятоѣ и плюю на диявола и на усѣ злиѣ дѣла его. Вѣрую Господу Богу и покланяю ся Отцу и Сыну и Святому Духу, аминь.

Тогды чернець отворив оконце и сейчас его пôзнав, що то быв власный цѣсарь, сын его духовный. Ставши скоро, отворив келию свою и увѣв его. А ôн увесь збитый и кровю сплынув. Видѣвши, умив его и оливою намастив тѣло его и дав на него сорочку и шаты свои и шапку и каже: — „Моли ся, пане мôй, Богу.“ И сказав до него цѣсарь: — „Прошу тя, отче святый, ты ся моли Господу Богу и пресвятôй Богородици. Тогды монах взяв псалтырь, почав читати акафист пресвятоѣ Богородицѣ а цѣсарь стоить; и коли скôнчив акафист, то есть похвалу Богу, ано почало свитати. И ту лягли припочити, бо и король змученый быв дуже и ту пустельник мало ся придрѣмав. И видѣв во снѣ: прийшла пресвятая Богородиця из Михаилом и кладуть на голову цѣсареви корону царску и пояс царскій и шаты и ланцюх золотый и вѣнець и скиптр царскій. И збудивши ся, пустельник прославив Господа Бога и пресвятую Богородицю; избудив цѣсаря и став его пытати и тѣшити и поздоровляти: — „Иди теперь, пане, просто до своеѣ столицѣ, вѣрую Богу и пресвятôй Богородицѣ, що тя впôзнають. Не бôй ся, иди за Божим благословеніем, и благословивши его пустив.

Прийшовши Йовиян до брамы города своего, став торкати, абы ему отворено было. А ту ся и боить, абы его еще не били; дало му ся добре в памятку. Але крѣпляеть ся молитвами сповѣдника свого и укрѣпив ся Богом и пресвятою Богородицею.

Видѣвши его сторожа, скоро одчинила и пôзнала, що то есть пан их. И убояли ся и мыслили собѣ: а то пан наш ходив до свого сповѣдника, а мы не знаеме, коли вôн пôшов. Зараз ему отворили и поклонили ся и сказали: — „О пане наш, отпусти нам, бо смо не знали и не знаем, коли твоя милость выйшов. А ôн на них махнув рукою, абы мовчали; и весело на них и ласкаво посмотрив и пôшов на двôр. И там стояло много челяди и панства и видѣвши, пôзнали его зараз и поклонили ся ему усѣ и так мыслили: що то ся чинить тут? На дворѣ цѣсарь и в палатѣ цѣсарь. Тут и пес его коханый пôзнав и став ся ему радовати и лащити, токмо не промовить; також и сокôл, пôзнавши, его став весело квилѣти. Видѣвши то марщанок, здумѣв ся дуже; став говорити панам, що ся чинить? У палатѣ цѣсарь и на дворѣ цѣсарь у монарховых шатах. Потôм панство ввôйшло у палату и поклонило ся ангелови. Стали говорити, кажучи: — „Найяснѣйшій наш цѣсарю, пане милый! що то ся чинить з нами? Твоя милость тут сидить на столици из цѣсаревою а на дворѣ стоить другій цѣсарь, котрому ся всѣ покланяють. Сказав ангел до царицѣ: — „Устаньме а выйдѣм на двôр, увидим, що то ся чинить. А коли выйшли на двôр, цѣсарева зараз пôзнала пана своего и здумѣла ся, не знае и сама, котрый то есть правый муж еѣ з межи них двох. Сказав ангел до панôв и до челяди: — „Повѣжте ми правду, котрый з межи нас двох пан ваш.“ А паны и челядь сказали: — „Оба есте однакѣ, але нам ся здае, що той пан наш, котрый прийшов теперь от своего сповѣдника; и то есть нам дивно, що вы есте оба однакѣ.‘ Потôм ангел сказав до цѣсаревоѣ: — „Панѣ, повѣж ты правду, котрый тобѣ есть пан и муж из межи нас двох и которому ты шлюбила?“ А она посмотрѣла и на того, а потôм сказала: — „Все ми ся здае, що той мôй пан е; але то ми дивно, що есте оба однакѣ. Бог знае, що то ся чинить. А потôм хлопята выйшовши пôзнали и увидѣвши Йовияна отця своего, прибѣгли радôстно и пôзнали его. Тогды ангел сказав: — „О тож пан. твôй, котрый теперь прийшов от сповѣдника свого. Узявши тогды ангел цѣсареву за руку и цѣсаря Йовияна за другу руку, дав ему жону у руку и став говорити: — „Прийми свою жену и дѣти и столицю цѣсарскую, а не пôдноси ся от того часу у пыху и не рôвняй ся Богу небесному, а то

єсть добре учинив, що покаяв ся и сам себе осудив; а до того еще єси до сповѣди ся удав и той грѣх одпокутовав єси сеѣ ночи; и еще ти много помогла молитва того духовного, котрый ся молив до Господа Бога и Пресвятоѣ Богородицѣ. А я стерѣг столицѣ твоєѣ и панѣ твоєѣ и дѣток твоих; а тебе то Бог выдав быв на покаяніє. Протоже полѣпшай ся, бо я Ангел божій хранитель твôй и сторож душѣ твоєѣ. „Потôм до панôв: — „Ото єсть пан ваш, котрому єсте присягали, того слухайте и вѣрно єму служѣть, бо я є Ангел божій. А потôм сказав: — Майте ся гаразд, Бог з вами И то сказавши, блиснув яко блискавиця и невидимо было: пôйшов в небо, а одѣня царске оставив посеред панства перед Йовияном И дав ся чути голос з высокости, кажучи: возьми, сыне, одѣня, котре я тобѣ у полѣ быв узяв.

И ту Йовиян прославив Бога небесного и пресвятую Богородицю матер Божу. И став потôм побожный и смирный и доконав в добрôм покою живота своєго в добрых учинках и справах.

4.

Повѣсть о розбôйнику Флявіянѣ, котрый хотѣв розбити монастырь черночій.

Быв один розбôйник грôзный, на имя Флявиян, котрый мав пôд собою 100 розбôйникôв, смѣлых и збройных, що нѣхто на них не смѣв ударити. Одного дня зôбравши собѣ пятьдесять товаришôв, став им говорити, кажучи: — Мои милѣ друзѣ и товаришѣ. Умыслив я сеѣ ночи одну рѣч пожиточну, єслибысьте на то пристали. А они єму сказали: — Пане наш, мы всегда тебе слухаєм; що нам розкажеш, то мы готовѣ на твôй розказ. Сказав им Флявиян: — Єсть у пущи в лѣсѣ один богатый монастирь, в котрôм то живуть черницѣ, о котрôм то и вы сами знаєте. Тогды я уберу ся у одежу черночу возму пôд шаты меч свôй и пôйду там сам. И они ми отворять сами ворота монастирскѣ и приймуть в мѣсто черця мене за гостя, а вы в ночи там прийдете и покличете мене, а я вам отворю и погубиме черницѣ и скарб их забереме, бо инакше не учиниме нѣчо, бо монастир єсть твердый.

Почувши то розбôйники, похвалили раду єго; а так Флявиян убравши ся по черночому, узяв пôд ризы меч свôй, пôйшов в пущу, де той монастирь и прийшовши до монастыря, почав торкати у ворота монастырскѣ по обычаю монастырскому.

Почувши то старша игуменниця, послала свою послушницю, хто то єсть и чого ту прийшов. Послушниця видѣвши монаха, вернула ся и повѣла: — Госпоже! Якійсь монах стоить у воротах, хоче нашу святую обытель навидѣти и нас. Почувши то игуменниця, покликала сестры свои, пôшли до ворот и сотворили молитву. А Флявиян сказав: — Аминь, мир вам преподобнѣ мои сестры! Спасайте ся во Господѣ. Прийшов я до вас яко старець грѣшный навидѣти житя ваше, обытели вашоѣ святоѣ. Учувши то чернички радѣ были и сказали: —

Слава тобѣ христе Боже, що прислав нам святого отця. И будем от него благословенія просити и молитов святых.

А черниць у тôм монастыри было пятьдесять и три. Отворили єму ворота и пустили єго з радостею и впавши, поклонили ся єму и просили до церкви. Поклони ся, отче, Богу! — И поклонив ся. А потôм повели єго до келіѣ и взявши в умивальницю воды, стали єму умивати ноги яко странному от пути, маючи єго за преподобного отця; а ôн им подяковав.

А была в тôм монастыри одна дѣвка, котра од многих лѣт была слѣпа, нѣма и глуха, для котроѣ то, привѣвши до него, просили благословеня. И взявши тоту воду, котрою Флявиянови мыли ноги, напоили тоту дѣвку и умыли єѣ. Зараз прозрѣла и промовила, и слышати стала и прославила небесного Бога. Видѣвши то черницѣ, припали до нôг Флявиянових, поклонили ся єму. Стали єго у ноги цѣловати, мовячи: — Бог тя пôслав нам, отче святый, негôдным, грѣшным. Тота дѣвка от многих лѣт была слѣпа, нѣма и глуха, а днесь твоим приходом и за твоими святыми молитвами прозрѣла и говорить и чує.

Видѣвши то Флявиян, здумѣвся и пôзнав ласку Божу над собою, що то Бог веде єго на покаянє. И вставши сам, поклонив ся им и каже: — Слава тобѣ, Христе Боже, що хочеш всѣм спасти ся в розум истинный прийти. И винявши з пôд ризы меч свôй, показав им и каже: — Сестры наймилѣйшіѣ! Вашими святыми молитвами нехай и я многогрѣшный спасу ся. Вы мене маєте за святого отця, а я єсм розбôйник Флявиян, котрый має пôд собою 100 розбôйникôв. И сеѣ ночи вы всѣ мали погинути от того меча. Єсли ми не имете вѣры, увидите вы сами дружину мою, котра ту прийде и буде мя кликати, абы я им отворив. А прийде их пятьдесять. Але вы не бôйте ся: — Бог з вами! Нехай и я буду брат ваш и хочу бути до смерти монахом.

Почувши то черницѣ, здумѣли ся дуже. Прославили Господа Бога, що выбавив их од гôркоѣ смерти. А коли настала нôч и было о пôвночи, прийшли розбôйники. 50 их стоить у воротах монастырских и почали кликати: — Флявияне, старшино наша! Отвори нам, мы єсме дружина твоя.

Почув и то Флявиян, пôшов до ворôт став им говорити: — Я вас не знаю. Маю я бôльшу дружину, з котрою вас позабиваю, як злодѣѣв.

Розбôйники почувши то, улякли ся и побѣгли на втѣки. А черницѣ передержавши Флявияна в своѣм монастыри два дни, выправили єго з честею до мужеського монастыря, в котрôм постригши ся, многѣ лѣта перебывав. А з того меча єго чернички сковали хрест, в честь и во славу Христу Богу нашому.